

УДК 94(470+571)"1917"
ББК 63.3(2)611-2
DOI: 10.46726/H.2021.3.6

Т. Ю. Красовицкая

«ТАЙНАЯ МОЯ МЫСЛЬ, ЧТО ТОЛЬКО ИНОРОДЦЫ УМЕЮТ РОССИЮ ЛЮБИТЬ...»

Революционные перемены в 1917 г. имели сложный противоречивый характер. С одной стороны, они утверждали силу общества и государства, расширяя их влияние и власть на громадные территории, включая в его орбиту народы и их ресурсы. Но, с другой стороны, они несли в себе потенциал отрицания старого устройства власти, открывали возможность сохранения и наращивания сил, противостоящих ему. В христианской, исламской, иудейской антропологии становился очевидным разрыв границ и параметров традиционного общества с растущим спектром потребностей и возможностями их реализации. Нарушение границ формировало новые механизмы социальной безопасности, предлагало новые стратегии.

Ключевые слова: Революционные перемены, народы и их ресурсы, отрицание старого устройства власти, новая социальная безопасность, новые стратегии.

T. Yu. Krasovitskaya

“MY SECRET THOUGHT IS THAT ONLY FOREIGNERS CAN LOVE RUSSIA...”

The revolutionary changes in 1917 were complex and contradictory. On the one hand, they asserted the power of society and the state, extending their influence and power over vast territories, including peoples and their resources in its orbit. But, on the other hand, they carried the potential of negating the old system of power, opening up the possibility of preserving and building up the forces that opposed it. In Christian, Islamic, and Jewish anthropology, the gap between the boundaries and parameters of traditional society and the growing range of needs and opportunities for their realization became more obvious. The violation of borders formed new mechanisms of social security, proposed new strategies.

Key words: revolutionary changes, peoples and their resources, denial of the old order, new social security, new social strategies.

Россия — далеко не обычная большая страна со сложностями и проблемами, со своим счастьем и несчастьем. Это страна со странной саморефлексией «великой державы», большим количеством внутренних и внешних противоречий, с инерцией относительно реформы государственности. Российская империя и политика в ней относительно нерусских народов держалась на импровизированном партикуляризме, на договоренностях, дифференцированных правилах, требованиях и уступках. Доминировавшее до недавнего времени утверждение об унифицирующей и репрессивной имперской стратегии

© Красовицкая Т. Ю., 2021

этнокультурных практик на окраинах создавало ложное представление о привилегированной метрополии и неизбежно ущемленной в правах периферии. В преддверии столетия образования СССР важно оценить обстоятельства, обусловившие его создание.

Как образно выразился Т. Нейрн, «под искаженным углом зрения метрополии этнос всегда выглядел этаким маленькой пакостью, кротовьей дорожкой в саду, который должен быть безупречным. Однако ему-то хочется иметь свой собственный сад, свое фигуральное место в рамках величественного ландшафта современности» [16, с. 357]. Но в феврале 1917 г. ландшафт был далеко не величествен. Задуманный Мир разваливался: кротовьи дорожки обозначили «слабость» швов в конструкции Российской империи. Мир становился многолюднее, но не имел хорошей репутации. Ощутимо ухудшалось отношение людей к государству. На горизонте, грозя политической и экономической катастрофой, возникал «девятый вал».

Падение Российской империи — явление гигантских масштабов. Ясно, что это произошло не только в мире, но и **с Миром**, с людьми вообще. Такие события трудно понять, как они вообще могли произойти? Традиционные регулятивы культурных ресурсов и их продукты уже не следовали привычным путем. Они становились зигзагообразны, расходились в разные стороны. Этнические запросы еще являлись символами, ничего не говорящими о том, что будет в конце дороги. Символы, однако, представляли реальные потребности, которые следовало оформить в стратегии, обеспечить структурами, компетентными персонажами, способными конкретизировать эти символы и предложить их решение. Главная программа действий должна была возникнуть из столкновения с действительностью.

Российское государство отличалось от других не только размерами территории, но и принципиально различным уровнем развития его регионов, что наиболее наглядно в отношении окраин. Имперская власть стремилась к определенной унификации правового, экономического, социокультурного пространства, что далеко не всегда совпадало с чаяниями этнических меньшинств.

Переходная ситуация отличалась беспрецедентной неоднозначностью, разнонаправленностью и неустойчивостью протекания процессов и событий.

Крымский татарин Дж. Сейдамет на юридическом факультете Парижского университета брал уроки политических и социальных наук, слушал Ж. Жореса. Получив звание «бакалавра прав Французской Республики», он вернулся в Крым: «...Мы даже не думали в то время о полном развале России. Мы желали нашей Родине благоденствия, а нашему народу развития цивилизации, поэтому, прежде всего, считали своим долгом ускорить революцию в России... Мы думали только о народе Крыма и о спасении его от деспотизма и тирании... Я говорил о реформации власти, об усилении просветительских и идеологических течений, об уничтожении царизма во имя осуществления революции» (цит. по: [7]).

Сейдамет отметил: «Основной нашей задачей было обеспечивать свободу нашего национального движения. И мы верили, что революция поможет нам в этом. Возможности, которые представились благодаря ей, мы хотели использовать в соответствии со своими интересами, для создания своей организации... во имя укрепления наших национальных прав и свобод» (цит. по: [7]).

14 марта в Грозном на чеченском съезде, после доклада о задачах национального движения А.-М. О. (Тапы) Чермоева, наметились две политические группы. Одну группу составляла светская интеллигенция: А.-М. О. Чермоев,

А. М. Мутушев, Д. Д. Шерипов, Т. Э. Эльдерханов и др., к ним примкнули предприниматели, часть офицерства. Представители этой группы считали, что в Чечне должна быть создана светская система национального самоуправления горской национально-территориальной автономии. Влиятельные шейхи и муллы из второй группы ратовали за установление теократического режима, основанного на шариате. Активные проповедники идеи шариата шейх Гайсумов, Арсанов Дени, Митаев Али, Абдул-Вагап-Хаджи Аксайский «со своими партиями мюридов ездили по Чечне и агитировали за себя без конца» [22, с. 17].

Весьма полезно внимательно рассмотреть публику, собиравшуюся на многочисленных съездах в феврале — октябре 1917 года.

Среди пламенных агитаторов из многих партий, в большинстве интеллигентов (преобладали школьные учителя, студенты), были и рабочие, немало также солдат. И те, и другие, и третьи представляли свое видение будущего. Февраль стал своеобразной точкой отсчета «новой истории». «Начались бесконечные национальные военные съезды, — вспоминал А. И. Деникин, — вопреки разрешению правительства и главного командования. Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане — требуя провозглашенного “самоопределения”, — от культурно-национальной автономии, до полной независимости включительно» [5, с. 125].

На съездах внимали ораторам люди, не имевшие ни широкого горизонта для осмысления произошедшего, ни устремленных вдаль мыслей. 1 апреля 1917 г. В. Г. Короленко писал из Полтавы: «Приходится выступать публично. Мне всего интереснее говорить с простыми людьми. Недавно говорил на митинге на одной из темных окраин города, откуда во все тревожные дни грозит выползти погром. Аудитория была внимательная. Я выбрал взглядом два-три лица с особенно малокультурными чертами и говорил так, как будто есть только они... При всех несовершенствах и противоречиях — крайние партии все-таки организовали массу, и теперь она — *не человеческая пыль, а масса, пронизанная по разным направлениям организацией и сознательными стремлениями*» [12, с. 285].

Идущая война уже заставила бывшую «массу» двигаться по большим дорогам, останавливаться на главных перекрестках, почувствовать ветры, дующие в разные стороны, жизнь как взаимообмен разных сил. От сшибок с ними вспыхивало страшное пламя. Лица слушателей выдавали их социальное происхождение, в основном, крестьянское. Часто это были люди, уже взявшие в руки оружие для защиты семьи, земельного надела, пастбища и пр. Их представления о жизни и об их личной роли в ней весьма сильно расходились со складывавшимся положением вещей. Слушатели стремились отделить, по возможности, фантазии и обещания от фактического положения, понять, что их ожидает в будущем. Разум пребывал в смятении и беспокойстве. Особенно внимательно слушали тех, кого трудно представить в чиновничьем кресле. Неважно, скольких слушателей они привлекут на свою сторону, важно, сколько сомнений они посеют в их душах. Неважно, кто потом соберет урожай этих душ, важно, что он будет обилен. Новое манило высвобождением энергии, которая еще не открыта, но всегда присутствует в обществе, в его старых ценностях [13, с. 43]. «Человеческое общество, народ, как стихия неизмеримо сильнейшая и обладающая неистребимым инстинктом жизни, к самоубийству не придет, но оно может вспыхнуть ужасающим кровавым пламенем, чтобы попытаться в нелепой жестокости найти выход из кошмарного

настоящего» — писал в дневнике В. Г. Короленко [12, с. 283]. Публицисты прибегали к религиозным образам, ассоциируя эту энергию с «духом Божиим, носившимся в феврале над водами, животворя и воскрешая все, что было задушено старым режимом» [20, л. 1].

Налицо слияние, совмещение, одновременность и взаимосвязь образующихся потоков сомнений и размышлений, несущихся сквозь 1917 год, таких бурных в своих проявлениях, переменчивых и мятущихся, увлекающих за собой. Вот строки о пережитом марийца А. Н. Алаева, будущего сотрудника Наркомнаца: «[Я родился] в бедной инородческой семье. Дома учился и кончил двухклассное училище, потом ненасытная жажда знаний забросила меня, 14-летнего мальчика, в Казань, где я кончил образцовое городское училище при Учительском институте. Дальше полуголодное существование и хватание на лету знаний, служба по различным конторам, рабочим, матросом и сотни других профессий до рокового 1914 г. Осенью 14-го забрали в солдаты и вольноопределяющимся направили на Юго-западный фронт. Испытал юношеский националистический угар, молодой задор: “борьба до победы”. Окопная жизнь и жизнь тыловиков, кутеж офицеров с сестричками, ничем не прикрытый грабеж “серой скотинки” отрезвили меня» [4, Ф. Р-1318, оп. 21. д. 374. л. 285].

Война сильно обесценила человеческую жизнь, сделав привычной гибель миллионов людей. За всю историю России впервые по мобилизации через огромную армию прошли до 15 млн. человек (из них около 1 млн. только мусульман). 80—90 % их них — крестьяне, пришедшие в армию со своими представлениями о «земле и воле». Замыкание на личные интересы обобщил А. И. Солженицын как право «каждому ехать с винтовкой, куда считаешь правильным, и с телеграфных столбов срезать проволоку для своих хозяйственных надобностей» [21, с. 25]. «Лакейское требование “побарствовать”, — утверждал Д. С. Пасманик, — было характерно для всей нашей революции» [17, с. 49].

Сторонник независимости Белоруссии Я. Лёсик с неприкрытым разочарованием писал: «Наши крестьяне на съездах высказывались в том смысле, что **им не нужна автономия**, но делали они это по неразумению и темноте своей, но более всего в результате обмана, так как вместе с этим они говорили, что **и язык им не нужен**. Никто в мире не отрекается от своего языка... а наши крестьяне отрекаются. Значит, делают они это по неразумению и темноте... По тем или иным вопросам мы обращаемся к знатокам и специалистам, а вот при *государственном строительстве* удовлетворяемся мнениями таких специалистов, как тёмный и некультурный народ... Народ — вещь хорошая, но ему необходимо рассказать, разъяснить, его необходимо сначала просветить, научить, и только потом уже звать к себе на совет» [15, с. 5—6]. Историк С. М. Дубнов 8 июня на еврейском митинге говорил: «И из нашей среды вышло несколько демагогов, присоединившихся к героям улицы и пророкам захвата. Они выступают под русскими псевдонимами, стыдясь своего еврейского происхождения (Троцкий, Зиновьев и др.), но скорее псевдонимами являются их еврейские имена: в нашем народе они корней не имеют» [6, с. 383]. Свой портрет слушателей на съездах дал Шолом-Алейхем: «Город маленьких людей... забитый в уголок, в самую глушь, отрешенный от всего окружающего мира, сиротливо стоит этот город, заморожен, заколдован и погружен в себя, словно никакого касательства к нему не имеет весь этот тарарам с его кутерьмой, суетой, сумятицей, кипением страстей, стремлением

подавить один другого и всеми прочими милыми вещами, которые люди удосужились создать, придумав для них всякие названия, вроде “культура”, “прогресс”, “цивилизация” и другие красивые слова, перед которыми порядочный человек с величайшим благоговением снимает шапку» [27, с. 9]. Читатели Шолом-Алейхема оглядывались на штетл как на музейный экспонат. Дети не только штетла, но и кавказского аула, татарской деревни и пр., чтобы обрести достоинство человеческого бытия, усваивали идеи нового мира, присоединяясь к нему или подражая ему. Внедряясь в русскую культуру, овладевая ее языком, литературой, идеологией, системой поведения и наукой или становясь членом русского языкового сообщества или же создавая параллельную культуру на родных языках, в которой присутствовали бы современные нормы, идеи, институты и достижения. Так достигалось присоединение к космополитичной в целом европейской культуре [26, с. 3]. Но возникло многоаспектное центробежное движение в разных направлениях и с множеством ответвлений. Кроме массы фронтовиков среди участников съездов были и те, что заплатили огромную эмоциональную цену, покинув родные места, родительские дома, расставшись с языком детства, верой, манерой говорить ради усвоения новых моделей поведения, нового языка, новых черт, традиций и верований. Через десятки лет они, постарев в эмиграции, будут замирать, выискивая Шагаловский Витебск на куполе парижской Оперы или Метрополитена, узнавая в нем вызовы, вставшие перед тогдашними его жителями, теперь уже парижанами. Идеологический фон поисков обнаруживается в готовности видеть мир в процессе перемен, овладевшей этническими элитами.

В. Ленин отразил 30 января 1917 г. в письме И. Арманд важное понимание «текущего момента» — историю, услышанную от бежавшего из плена солдата: «Пробыл год в немецком плену... в лагере из 27 000 чел. украинцев. Немцы составляют лагерь по нациям и всеми силами откалывают их от России. Украинцам подослали ловких лекторов из Галиции. Результаты? Только-де 2 000 были за “самостийность”... Остальные-де впадали в ярость при мысли об отделении от России и переходе к немцам или австрийцам. Факт знаменательный! Не верить нельзя. 27 000 — число большое. Год — срок большой. Условия для галицийской пропаганды — архиблагоприятные. И все же близость к великорусам брала верх!» [14, с. 377].

Революция для участников съездов была, прежде всего, внутренней, она происходила в умах и сердцах каждого индивида. Она направлена против властных структур и против господствующей семиотики — набора верований, ценностей и поведенческих моделей — ради усвоения идеалов новой страны.

«Почему массы во все лезут и всегда с насильем?», — вопрошал позже Х.-Д. Ортега-и-Гассет. Но не только насилье влекло людей на митинги, собрания и съезды. Фронтовики воочию видели хаос, разорение от войны, страдали от него, научились даже его уважать. И в тылу они столкнулись с социокультурными задачами более высокой сложности: требовалось усвоить новые социальные практики. Кончалось терпение: когда же откроется взгляду новый порядок, и каким он будет?

Происходящие перемены имели сложный противоречивый характер. С одной стороны, они утверждали силу общества и государства, распространяя их влияние и власть на громадные территории, включая в его орбиту народы и их ресурсы. Но, с другой стороны, они несли в себе потенциал отрицания старого устройства власти, открывали возможность сохранения и наращивания сил, противостоящих ему. В христианской, исламской, иудейской

антропологии становился очевидней разрыв границ и параметров традиционного общества с растущим спектром потребностей и возможностями их реализации. Нарушение границ формировало новые механизмы социальной безопасности, предлагало новые стратегии. Интенсивность социокультурной динамики (избирательное право, борьба за универсализацию прав граждан, институционализация социальных изменений, рационализация, светская культура) существенно модифицировали чувство онтологической опасности, новые формы ограничения [25, с. 16].

Настроение основной массы населения — крестьянского еще было пассивно-выжидательным, но с определенной тенденцией к «сохранению за народом свобод и завоеваний революции», как оно, конечно, понималось им. Увязка их надежд с воззрениями их национальных лидеров, с их намерениями была сложной. Большая часть этносов не была готова к независимой государственной жизни, но в условиях острой социальной нестабильности этнос выступал в качестве аварийной группы поддержки, ведущей и определяющей направление социальной самоидентификации. Караимский съезд (27 августа — 3 сентября, Феодосия), заявил: «Караимы, являясь коренными обитателями Крыма, представляют собой объединенную общность веры, крови, языка и обычаев особую народность, издревле сохранившую неразрывную духовную связь со своими Константинопольскими, Иерусалимскими и Египетскими единоверцами» [9, с. 8]. Председательствующий светский и духовный глава С. М. Шапшал, закрывая съезд, напомнил: «лишь единение рождает силу, а сила побеждает все». В программе партии Мусават 1917 г., назвавшей себя Тюркской демократической партией федералистов, подчеркивалось: «Нация — это существо органическое, а не механическое соединение отдельных личностей. Она живет, мыслит, имеет свои цели и стремления. И поэтому каждая человеческая личность связана с нацией, а не с государством. Нация — это человеческое общество, связанное общностью языка, религии, традиции, литературы, культуры, истории и нравов» [18, с. 23].

Этнос выступал как группа обеспечения экономических и политических преимуществ, хотя и не был единственной, в которой, осознавая свою принадлежность, человек искал опору. Среди других групп можно назвать немногие: церковные организации, партии, профессиональные объединения, неформальные объединения (общества). Люди, конечно, «погружались» в одну из подобных групп, но с их помощью стремление к психологической стабильности не всегда могло быть реализовано. В таких ситуациях важно чувство принадлежности к целостной структуре, осознание человеком того, что он является ее частью, занимает в ней бесспорное положение.

Идентичность помогала человеку найти свою нишу, избежать одиночества и сомнений. Хотя взаимосвязь идентичности с конкретными историческими условиями, а также с чувством свободы и чувством одиночества сложна, но определенный баланс между ними устанавливается в процессе идентификации. Опора оказывалась не слишком устойчивой: состав групп постоянно обновлялся, сроки их существования ограничены во времени, самого человека могли за какой-то проступок из группы исключить. Всех этих недостатков лишена этническая общность. Это межпоколенная группа, устойчивая во времени, для нее характерна стабильность состава. Человека невозможно «исключить» из этноса [24, с. 18]. Традиционная коллективистская ментальность большей части российского общества сохранилась. Хотя экономические, социальные и политические противоречия начала XX века

уже не могли быть разрешены обществом в рамках этой ментальности, но социальная и политическая альтернатива в ее рамках не успела вызреть. На съездах и собраниях людей проще всего было убедить, подчеркнув национальный элемент, поскольку на национальный призыв большинство реагирует автоматически или почти автоматически.

Этнос оставался для человека надежной группой поддержки. А. А. Гольденвейзер вспоминал атмосферу национального съезда на Украине: «Помню этот зал, переполненный молодой, чужой мне по настроениям и говору толпой. Помню седую голову проф. М. С. Грушевского, занимавшего центральное место за столом президиума. Помню его волшебную власть над всей этой неотесанной аудиторией. Достаточно было ему поднять руку с цветком белой гвоздики, которой был украшен стол, и зал затихал...» [3, с. 10].

Всплеск эмоций, характерный для первых дней, даже когда он окрашен в национальные цвета, не имел ничего общего со стремлением к сепаратизму. В. Винниченко, называвший киевскую манифестацию «грандиозным взрывом национального чувства», писал: «Ни о каком сепаратизме, самостийности даже речи не могло быть, а когда слышались реденькие голоса, то это были голоса или схоластиков, чистых теоретиков, заядлых “самостийников” или людей слишком уже болезненно проникнутых национальным чувством. На конференции укр. соц.-дем. раб. партии в апреле вопрос о самостийности встретил почти единодушное негативное отношение. За самостийность высказались... только два-три голоса» [2, с. 25].

Программные социально-культурные и политические требования национальных движений можно подразделить на крестьянские и интеллигентские. Первые включали использование родного языка в образовании, делопроизводстве, официальном общении, богослужении. Молдавская народная партия требовала предоставить Бессарабии «самую широкую административную, судебную, церковную, школьную и экономическую автономию», создать краевое законодательное собрание «Сфатул цэрий» («Совет страны»), чтобы «в школах всех ступеней языком преподавания был национальный язык», «чтобы администрацию и суд осуществляли сверху донизу служащие — выходцы из народа, на языке народа» (цит. по: [23, с. 214]).

В Полтаве В. Короленко 23 марта отмечал в дневнике: «Всякий национализм имеет нечто отрицательное, даже и защитный национализм слишком легко переходит в агрессивный. В украинском есть еще и привкус национализма романтического и бутафорского. Среди черных сюртуков и кафтанов мелькали “червоны жупаны”, в которые нарядились распорядители... с лицом не то немца, не то англичанина, в бакенбардах. Говорилось много неосновательного, а один слишком уж “щирый” господин договорился до полной гнусности: по его словам, “Украина не одобряла войны, а так как ее не спрашивали (а кого спрашивали?), то она свой протест выражала тем, что будто бы украинцы дезертировали в количестве 80 %”. Я при этом не был (ушел раньше); если бы был, то непременно горячо протестовал бы против клеветы... Никакого представления о необходимости “спрашивать у народа” его воли перед началом войны у украинцев, как и у русских, конечно, не было, и украинский дезертир уходил не потому, что у него не спросили, а по разным побуждениям, не исключая малодушия и трусости. И уверение, будто украинский народ дал 80 % малодушных и трусов, есть клевета на родной народ “ширых украинцев”, психология которых очень похожа на психологию “истинно русских”» [11, с. 125].

В сентябре 1917 г. Ахмет Цаликов подчеркнул: «Русское общество и русская печать не в достаточной степени оценивают ту позицию, которую заняло в переживаемый момент мусульманское население России и какими чреватыми для государства последствиями могло бы сопровождаться изменение этой позиции» [8]. Он выделил это обстоятельство: «Можно удивляться тому отсутствию центробежных сил на мусульманских окраинах, которые, казалось бы, должны были получить огромное развитие». В Ташкенте, получив текст универсала Рады об автономии Украины, размещенные на стенах объявления к утру вымарали черной краской [10, с. 204—223]. В феврале 1918 г. В. В. Розанов писал П. Б. Струве: «Тайная моя мысль, — а в сущности, 20-летняя мысль — что только инородцы — латыши, литовцы (благороднейшая народность), финны, балты, евреи — умеют в России служить, умеют Россию любить и каким-то образом уважать, умеют привязываться к России...» [19, с. 680].

Конечно, обострены претензии к императорской России, не благоволившей национальному самовыражению составляющих ее народов. Никакой возможности создать собственные национально-территориальные структуры управления для них не существовало. Национальные окраины управлялись из центра. Вспоминались противоречия из-за земельных, водных и прочих ресурсов, территориальные конфликты, исторические счеты и обиды, нанесенные тем или иным народам в ходе политики русификаторства, которая проводилась царским правительством, и друг другу при его попустительстве. Межнациональные отношения оставались сложными, степень их остроты еще замещали «резолуции» трудящихся, осуждения противников как контрреволюционеров, рассказы о стычках, сотрясавших различные уголки страны, этнофобские расправы, подчас и этнические чистки [1, с. 63].

Но демократические лозунги Февральской революции открыли такие возможности легитимации этничности, при которых имперский порядок уже был излишним. Делегаты многочисленных съездов хотели услышать, что у них будет место в новом мире и новом государстве. Этнические элиты сумели придать неожиданный размах национальным съездам, активно включить в них этнические сообщества, обострив тем самым проблемы управления всеми сферами общественной жизни. Национальные движения выступали под лозунгом ценности собственной конфессиональной, культурной и общественно-политической идентичности. Идея культурно-национальной автономии активно обсуждалась съездами представителей многих этносов, напрямую касаясь структур управления ними.

Активность этнических элит на съездах делала очевидным тот факт, что профессиональная компетентность требует глубокого понимания специфики этнических регионов, умения объединять их вокруг новых идеалов. Состоявшиеся в 1917 г. многочисленные совещания и съезды начали выдвигать этатистские требования. Национальные съезды в 1917 г. считали необходимым создание федеративной демократической республики. Предлагался союзный тип федеративной власти, без жесткой вертикали. Составной частью вопроса явилось решение съездов о создании своих территориальных автономий. Выделяя общие черты национальных съездов, необходимо отметить: 1) схожесть механизма их созыва; 2) их явную антисепаратистскую тенденцию и схожесть характера резолюций, с первоочередностью требования реализации права наций на самоопределение; 3) требование создать центральный правительственный орган, ответственный за справедливое решение

национального вопроса и реализацию реформы государственного устройства страны; 4) создание или наделение властными полномочиями национальных органов самоуправления, с попыткой определения этнографических границ автономий; 5) апеллирование к Всероссийскому Учредительному собранию и Временному правительству, как высшим политическим инстанциям, в адрес которых обращались резолюции съездов; 6) призыв к межнациональному сотрудничеству как основе новой федерации — союза равноправных национально-территориальных автономий; 7) и в то же время — отсутствие решений о конкретном политическом статусе и форме автономии, их компетенции, разграничении полномочий между будущим федеральным центром и местными национальными властями. Ни один из национальных съездов не ставил целью разрушить общероссийский территориальный комплекс, ни один из них не заявлял о национальной исключительности, но повсеместно выделялись проблемы развития культуры, родного языка, школы.

Центр тяжести смещался от проблем культурной антропологии, от оценки процессов, связанных с представлениями о трансляции ценностей, к формированию структур, ответственных за их укоренение в культуре этносов. Съезды стали опорой в установлении легитимности национальных структур управления, строительством их после октября 1917 г. займутся большевики.

Список литературы

1. Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917—1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2010. 1096 с.
2. Винниченко В. Відродження нації. Історія української революції. Марець 1917 р. — грудень 1919 р. [В 3 ч.] Ч. 2. Київ-Відень, 1920. 328 с.
3. Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний (1917—1920 гг.) // Революция на Украине по мемуарам белых / сост. С. А. Алексеев под ред. Н. Н. Попова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 1—63.
4. Государственный архив Российской Федерации.
5. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. Вып. 1. Париж: Изд-во Я. Поволоцкого, 1921. 183 с.
6. Дубнов С. М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 662 с.
7. Зарубин В. Г., Зарубина А. А. Джафер Сейдамет. Штрихи к портрету // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12—13. С. 44—57. URL: В. Зарубин, А. Зарубина — Джафер Сейдамет. Штрихи к портрету (2006) (a-resni.org) (дата обращения: 04.04.2021).
8. Известия Всероссийского Мусульманского Совета. 1917. 8 сентября.
9. Известия караимского духовного правления. 1917. № 5—6.
10. Исхаков С. Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии // Acta Slavica Iaponica. 2001. Т. 18. С. 204—223.
11. Короленко В. Дневник. Письма. 1917—1921. М.: Советский писатель, 2001. 544 с.
12. Короленко В. Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10: Письма 1879—1921. М.: ГИХЛ, 1956.
13. Коукер К. Сумерки Запада. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 272 с.
14. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49.
15. Лёсік Я. Аўтаномія Беларусі. Мінск: Друкарня Н. М. Нахумова, 1917. 20 с.
16. Нейри Т. Интернационализм и второе пришествие / Нации и национализм. М.: Практикс, 2002.
17. Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. Париж, 1926.

18. Программа Тюркской демократической партии федералистов «Мусават», принятая на ее II съезде (1919 г.) // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. 1990. № 2. С. 23—29.
19. *Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990.
20. Свободный народ. 1917. № 67. 19 августа.
21. *Солженицын А. И.* На возврате дыхания и сознания // Из-под глыб. М.; Париж, 1974.
22. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917—1918 гг.), Горская республика (1918—1920 гг.): документы и материалы. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 1994. 438 с.
23. *Стати В.* История Молдовы. Кишинев: Tipografia Centrală, 2002. 480 с.
24. *Стефаненко Т. Г.* Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 97—104.
25. *Фомичев П. Н.* Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор // Социологические исследования на пороге XXI в. М.: РАН. ИНИОН, 2000. С. 12—30.
26. *Харшав Б.* Язык в революционное время. М.: Текст, 2008. 447 с.
27. *Шолом-Алейхем.* Город маленьких людей // Шолом-Алейхем. В маленьком мире маленьких людей. М., 2012. С. 9—16.

УДК 94(470/315)''1921/1927''

ББК 63.3(2Рос-4Ива)613-2

DOI: 10.46726/H.2021.3.7

А. А. Ладанова

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ СНАБЖЕНИЯ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕКСТИЛЬНОГО ТРЕСТА В 1921/22—1926/27 гг.

История Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста является одним из самых ярких примеров восстановления и развития текстильной отрасли производства в годы новой экономической политики. Статья посвящена становлению и особенностям системы снабжения треста. Автор рассматривает этапы формирования данной системы, условия, при которых трест перешел от заключения сделок с мелкими поставщиками к деловым отношениям с крупными государственными организациями и производителями, влияние денежной реформы 1923—1924 гг. на товарообменные операции треста. Централизованный аппарат снабжения пережил неоднократную реорганизацию, что оптимизировало расходы на его содержание. В статье анализируется роль Всесоюзного текстильного синдиката (основного поставщика) в снабжении Ивгостреста. Через него иваново-вознесенское объединение установило связь с заграничными производителями. Благодаря этому на фабрики Иваново-Вознесенской губернии поступали импортные сырье (хлопок), сложные красители, оборудование и детали к нему в дополнение к поставкам отечественных производителей. Наряду с методами интенсивного производства и грамотной торговой политикой, выработанная система снабжения стала залогом успешного развития Ивгостреста.

Ключевые слова: НЭП, текстильная промышленность, Ивгострест, Всесоюзный текстильный синдикат, Московское торговое отделение, отдел снабжения.